

Нина Ивановна, спустя много-много лет, все-таки вернулась однажды в Ильинку. В храме она остановилась перед кануном, сжимая в руке пучек простеньких свечечек; зажигая и расставляя их, шептала имена, на мгновение воскрешая в памяти полузабытые лица давно ушедших.

Вошла сегодня в храм Нина Ивановна без опаски, не остерегаясь осуждающего чужого глаза, не как в далекой юности...

Тогда все ее еще звали просто Нинкой-Ниночкой. Она собиралась идти учиться в десятый класс, когда ее отца, подполковника, заместителя командира танковой части, из города в Подмосковье перевели в глухую северную глубинку. Нинка с мамой особо не отчаивались, собрались быстро: что поделывать, судьба военная такая. Да и отца с войны четыре года ждали, вернулся совсем недавно.

Нинка теперь после уроков в новой школе — бывшем купеческом особняке в центре городка — домой не мчалась, как угорелая — не мелочь пузатая уже, а вышлагивала, не торопясь, в окружении сверстников, форсисто задрав носик и помахивая портфельчиком в руке. Голову рослой Нинки украшала свернутая в тяжелую корону русая коса.

Ближе к околице ватага сверстников таяла. Дальше девчонке по полевой дороге вдоль жидкого перелеска до барачков воинской части предстояло бежать одной. Из мальчишек-одноклассников в провожатые пока никто не набивался, видимо, робея Нинкиного городского гонора и под стать ему характера.

Миновав околицу, Нинка прибавляла шаг, потом уж чуть ли не бежала. От заносчивой девчонки не оставалось и следа, мчалась как последняя трусишка. Еще бы — в продуваемом насквозь ветром редком перелеске начинала мелькать согбенная мужская фигура с длинными включенными космами волос на голове. Незнакомец, вы-

глядывая из-за стволов деревьев, передвигался по перелеску ничуть не медленнее Нинки, вынужденной перескакивать и обегать дорожные ухабы, заполненные водой. Девчонка, хоть и боялась попристальнее взглянуть в его сторону, все-таки успела рассмотреть его лицо с вытаращенными глазами и облепленное клочками седеющей щетины. Домой Нинка заскакивала — не помнила как...

Она стала брать провожатых парней: уговаривать их не пришлось — тряхнула косой, и тут же побежали наперебой. По перелеску теперь никто не метался, лишь раз мелькнула в стороне знакомая фигура и пропала.

Нинка вздрогнула и испуганно заозиралась.

— Яшки, что ли, боишься? — спросил один из провожатых кавалеров. — Так это наш дурачок, безобидный и добрый. Ничего худого не сделает.

И вправду Яшка к Нинке по-прежнему близко не подходил, только выглядывал ее, прячась, из-за углов, и Нинка скоро стала привыкать к такому странному вниманию.

Иногда и ей самой доводилось незаметно понаблюдать за своим неожиданным «поклонником».

У Яшки было, видимо, что-то неладное с ногами: развернутыми в разные стороны ступнями он вздымал клубы пыли, неуклюже переваливаясь по подсушенной еще почти летним солнцем улице, но передвигался довольно быстро, наклонив вперед голову с нечесаной гривой волос. Было Яшке за тридцать, сильно старила его борода с нашлепками седины. На лице его, казалось, застыла навсегда блаженная улыбка, хотя большие черные глаза смотрели с печалью.

Выскакивали из подворотен брехучие псы, норовили ухватить Яшку за штанины; мальчишки-мелюзга, дразнясь, бежали следом за ним и пуляли камушками. Яшка, хоть бы что, скаля зубы, упрямо пер вперед...

Жил он в сторожке на краю погоста возле Ильинки: старик сторож потеснился, уступив на время убогому чуланчик, а тот так в нем и остался. Старушонки прихожанки Яшку, жалея, подкармливали, да и сам он не слонялся без дел, а их в приходском хозяйстве — пруд пруди.

Вот так же, жалеючи и чуть с насмешкою, однажды провожала взглядом Нинка бедолагу, несущегося куда-то по улице.

Нинка и сама спешила — на «осенний бал» в городковском доме культуры. В новом платье, стесняясь накинутого на плечи старенького маминного пальто, она старательно обходила лужи, стараясь не запачкать туфли. Предстояли не какие-то школьные танцульки, а настоящий, первый в жизни, «взрослый» бал. К «дому культуры», расквартировавшемуся в стенах церковного собора, она пришла одной из последних. Постояла в нерешительности перед входом в здание со сбитыми куполами, перешагнула порог, заметив проступающую сквозь побелку фреску со святым ликом над аркой входа.

Стены внутри собора, высокий свод тоже были наглухо забелены, но лики святых все равно проявлялись тут и там. Новые хозяева здания пытались их прикрыть кумачовыми полотнищами с наляпанными наспех в «духе времени» лозунгами.

Молодежь толпилась у дальней стены возле штабеля составленных друг на дружку длинных лавок для зрителей — кино показывать сегодня не собирались. На деревянном помосте сцены, устроенном в алтаре, резвились, выплясывая, девки в красных косынках из агитбригады; потом что-то, жутко фальшивя, попытался исполнить местный духовой оркестр.

И наконец... Заскучавшая Нинка даже растерялась, увидев на сцене... Яшку. В чистом, явно с чужого плеча, костюме, с аккуратно причесанными волосами и подстриженной бородкой, он неуклюже проковылял к роялю, громоздившемуся в углу сцены, сел на табуретку, все с прежней своей блаженной улыбкой вознял над клавиа-

турой руки с длинными пальцами и когда их опустил... Звуки вальса взметнулись и разлились под соборными сводами, по упраздненному властями Божьему храму закрутились в стремительном танце пары.

Нинку пригласил молодой красавец-лейтенант из отцовского гарнизона. Увлеченная танцем, она все время чувствовала на себе Яшкин взгляд, хотя, казалось, что за роялем он забыл обо всем на свете, без устали играя весь долгий вечер.

Все остались довольны: и танцоры, и любители, подперев плечом стенку, просто поглазеть. Только непонятным было Нинке: почему это в своем углу, что-то шепча, урядкой крестилась бабка-билетерша...

Яшка после того вечера куда-то пропал; Нинка забеспокоилась даже. Будто чего-то не стало хватать в этом маленьком городке. И ноги ее как-то сами собой принесли к ограде Ильинки, где в сторожке обитал Яшка. В храм она не зашла, побоялась: отличница, комсомолка — мало что накажут, но и еще за «свихнувшуюся» посчитают.

У ворот Нинке встретилась та старушка-билетерша из «дома культуры».

— Я уж, милая, подумала на тебя, что это наша Настенька воскресла! — воскликнула она, всматриваясь пристально Нинке в лицо.

— А кто она была?

— Дочка здешнего диакона.

Старушка поозиралась, взяла Нинку за руку и отвела на укромную лавочку, спрятанную в еще не облетевших кустах у ограды.

— Перед войной, в тридцать седьмом, их всех «забрали». Настенька-то от отца не отреклась — и ее тоже. И Яшкиного родителя, отца Игнатия, со старшими сыновьями. Яшке-то младшему, «заскребышку», особенный талант к музыке Господь дал. Парня даже в консерваторию в Петербург учиться взяли. А потом тоже — в тюрьму... — старушка заговорила еще тише. — И вот Яшка вернулся, то ли отпустили, то ли сбежал. Ноги обморозил. Прибег домой, а родных никого в живых нет. Всех! Он на колокольню взобрался и сиганул вниз. С горя. Грех смертный задумал совершить — самоубийство. Но жив остался. Господь безумием его наказал, только талант не отнял, оставил... А Настенька-то невестой его была обрученной. И ты — вылитая она!

— Где сейчас он... Яшка? — спросила растерянная и потрясенная старухиным рассказом Нинка.

— Лежит, вон, в сторожке едва живой... Он после каждого такого своего выступления болеет тяжело. Вот ведь судьба — памятью от прежней жизни один рояль у него остался, и в соборе, где отец настоятелем служил, играть для публики ему придется. Страдает он, хоть и не в себе давно...

Нинка поднялась с лавочки и хотела уж пойти в сторожку проведать Яшку, но старушка удержала ее:

— Лучше тебе, девонька, его сейчас не видеть! Он еще хуже, чем есть...

Дома Нинку ожидал радостный, взволнованный отец:

— Собирайся, стрекоза, уезжаем отсюда! Меня переводят служить в Германию!..

Через пару дней немудреный семейный скарб был уложен в кузов грузовичка. Отец попрощался на плацу с танкистами, сел на переднее сидение открытого «виллиса» рядом с солдатом-водителем. Нинка и мать расположились позади. Миновав околицу городка, машины вывернули на «большак». И тут, у поворота, Нинка заметила знакомую косолапую фигурку, ковыляющую наперерез по полю. Яшка застыл на дорожной обочине, как вкопанный, и, когда мимо, набирая скорость, проезжали машины, так же, как и раньше, глядя на Нинку, блаженно улыбался и так же печальны были его глаза. Он поднял руку и прощально помахал. Робко, оглядываясь на мать, махнула ему рукой и Нинка...

...Нина Ивановна долго еще стояла у кануна, дожидаясь пока не погаснет огонек поминальной свечки. Что стало с тем бедолагой Яшкой из далекой ее юности, как окончил он дни свои? Теперь наверняка никто и не ведал. Сколько страдальцев в разные времена видел этот Ильинский храм — несть им числа.

ИЛЬИНКА

Она каждый вечер, незадолго до заката солнца, поднималась на крутой взлобок-толстик холма, нависший над обрывом, и, приставив согнутую лодочкой ладонь к глазам, смотрела неотрывно на змейку дороги, выползающую из леса. Перевалив речной брод, дорога петляла по лугу. Дотянув до подножия Ильинского холма, дорожные колеи отворачивали в сторону и скатывались опять в низину, тянулись теперь к другому холму, по пологим склонам которого карабкались рядами улочки невзрачные домишки Городка к белеющей на вершине громаде Богоявленского собора.

Путник, вышедший из леса, на этой дороге был виден издали. Путь в два десятка верст от железнодорожной станции проделывался теперь обычно пешком, без надежды на попутный транспорт: в военную пору и полудохлая клячонка, впряженная в телегу, была в редкость.

Еще незадолго до революции намеревались проложить через Городок «железку», но не на шутку обеспокоенный таким обстоятельством городской «голова» шустро скликал на совет местных купчишек: дескать, как бы по причине «прогрессу» не лишиться доходов! Компаньоны прикинули-покумекали, и на теплом приеме комиссия из путейских инженеров в дареных караваях «хлеб-соли» к своему изумлению обнаружила золотые червонцы. Взятки и тогда умели давать и брать. Инженеришки быстро сообразили что к чему: линию на карте по другому месту прочертили — и остался городок прежним тихим захолустьем. Купчики-то потом охватились, поняли, что дали маху — барыши у них все равно сошли на нет, бросились было по присутственным местам исправлять промашку, да поздно: поезд ушел.

Остались от тех незадачливых «отцов города» каменные особняки на центральной площади, отданные Советами под детдома и прочие казенные заведения, и устроенные купеческим радением два храма. Один — собор в центре Городка, а другой — далеко за околицей, на высоком холме, видимая со всех сторон Ильинка...

Бывшего настоятеля этого храма отца Андрея Щедрина и ждала уже немало лет матушка Антонина, выходя каждый вечер на взлобок холма над обрывом. Возвращался бы домой батюшка из далекого мордовского лагеря по той вьющейся внизу извилине полевой дороги...

Густели сумерки; матушка Антонина горестно вздыхала и, кутаясь в полушалок, уходила в домишку на краю погоста. Она шла вдоль по тропинке снаружи церковной ограды, а с внутренней стороны по мощеной каменной плиткой дорожке размеренно вышагивал часовой с винтовкой за плечом. Поправив на голове пилотку, солдат кивнул матушке, как старой знакомой, и приветливо улыбнулся. Солдатик «зеленый», видать, из недавно призванных; глядя на пожилую попадью, может, свою мать вспомнил...

Это в начале войны караульные сердито окрикивали и пугали, клацая оружейными затворами, пытавшихся приблизиться к ограде богомольцев. Белоснежный храм, сверкая крестами на куполах, издали манил, притягивал к себе.

Богоявленский собор в центре Городка постигла страшная участь — летний храм богоборцы развалили взрывом и разобрали на кирпич, а в зимнем, обляпанном снаружи и изнутри кумачовыми полотнищами лозунгов, обустроили «вертеп» — дом культуры.

Дошел было безжалостный черед поруганий и до Ильинки. «Черный воронок» глухой ночью увез настоятеля отца Андрея, местный хулиган и задира Сашка Лохан с активистами-комсомольцами сбросил со звонницы колокола... и вдруг точно одернул кто властно лиходеес. Участковый милиционер не позволил сбивать и выворачивать замки на дверях храма, сам ходил и проверял их сохранность. И даже сторож оставался при деле.

Матушке Антонине участковый предложил выселиться из поповского дома, стоящего внутри ограды, и матушка перебралась в крохотную хибарку к старушке-просфорнице в храмовой деревеньке, не ропща: все не одна-одинешенька.

Выглянув вечером из окна хибарки, Антонина заметила какие-то огоньки, медленно ползущие в сумерках по дороге из леса от станции. Вскоре, натужно поуркивая моторами, в гору друг за дружкой стали забираться «полуторки», груженные ящиками.

На одной из них приехало отделение солдат. Они споро принялись разгружать ящики с машин и таскать их в раскрытые настежь двери храма.

«Полуторки» приезжали еще несколько вечеров кряду, и так же солдатики шустро управлялись с грузом.

В поповском доме обосновалась охрана. По верху кирпичной ограды распутали колючую проволоку, и теперь денно и ночью стояли на посту часовые. О том, что было в тех ящиках, думали-гадали немногие жители деревеньки при погосте, и только к концу войны узналось, что хранились в подвалах Ильинки «энкеведешные» архивы из Ленинграда. Не было счастья, да несчастье помогло! Как зеницу ока оберегали чекисты Божий храм.

Дома в деревеньке вскоре опустели: жильцы их — кто прислуживал в храме, а кто и побирался — разбрелись по городковской родне.

Попадья и старушка-просфорница остались одни в домике-развалюхе. Обе дочери публично отказались от арестованного отца и уехали в дальние города. Так сделать их благословил сам отец Андрей: надеялся, что поповен после этого не тронут. «Благословил, стало быть, простил...» — вздыхала горестно Антонина.

Военной зимой навалилась голодуха: Антонине впору ложись бы да помирай, продавать или обменивать на хлеб было нечего: из поповского дома все выгребли активисты, да и если что осталось, то из-под охраны не возьмешь. Спасло то, что колхозная бригадирша, «партейная», но в детстве прихожанка храма, устроила Антонину в соседнее село на скотный двор коров доить. И хорошо, что не нашлись дураки и не донесли «куда надо», что супружницу «враждебного элемента» пригрела...

Конечно же, в согбенном, устало шагающем, одиноком путнике она узнала его издалека. Еще не веря, побежала навстречу по тропинке под гору, но на краю поникшего, с жухлой травой, луга, когда под ногами в дорожной колее затрещал первый ледок, остановилась в нерешительности. Показалось, что ошиблась: чужой человек тяжело и устало брел по дороге. Одет он был в истертый грязный ватник, на голову натянута солдатская ушанка.

Черты пожелтевшего, сохшегося, в глубоких морщинах лица отталкивали застывшей суровостью; но слезящиеся глаза знакомо радостно распахнулись:

— Тонюшка!

Антонина, подхватив мужа под руку, помогла ему взойти на верх холма. Они стояли в обнимку, как в далекой молодости, у ворот церковной ограды. Отец Андрей то переводил взгляд на супружницу, то опять долго и неотрывно смотрел на блистающие в лучах заката кресты на куполах храма.

Он приоткрыл калитку, по мощеной камешником дорожке добрел до храмовой паперти и повалился ниц на ее плиты.

— Вернулся я... Слава Тебе, Господи, за все! — он гладил ладонями холодную поверхность плит, вытертую до блеска подошвами обуви богомольцев.

В домике просфорницы матушка Антонина, выудив ухватом из печи чугунок с горячей водой, вымыла в тазу ноги мужу. Прикасаясь к культишкам отмороженных пальцев на ступнях, вздыхала тяжело: «Как так можно-то?!», а он, прижав к ее плечу остриженную, в шрамах, голову, шептал:

— Я их, тех, простил...

Воскресным утром, прослышав о возвращении батюшки, народ повалил в храм. Кто, подходя к оgrade, крестился истово на купола, а кто боязливо озирался по сторонам прежде чем торопливо прошмыгнуть под арку ворот.

Когда, возвещая о начале Божественной литургии, прозвучал возглас отца Андрея «Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа!», храм был полон. Пришли люди не только из Городка, но из дальних сел и деревенок сюда добрались — повсюду по округе угрюмо выселись порушенные поруганные храмы. Прихожане с жалостью взирали на стриженного священника с едва пробивающейся седой щетиной на впалых щеках: неся перед собой в вытянутых руках старинную, в окладе, книгу Евангелия, по солее батюшка ступал тяжело и трудно. Но служба шла и шла своим чередом.

Богомольцы исполнялись тихой молитвенной радостью. Горели, потрескивая, свечи, освещая святые лики на иконах и фресках, звонким речитативом откликались возгласам батюшки на ектениях старушки-певчие с клироса.

— Господу помолимся!

— Господи, помилуй!

Еще только-только затихла война; и все ждали возвращения домой своих солдат, и живых где-то в далекой Европе, и тех, кто пал на полях сражений...

После окончания службы из всего люда дольше всех не разбрелись нищие. Ждали уж последних бабушек-богомолок, все еще торопливо крестились и протягивали к проходящим мимо грязные ковчики ладоней, гнусявая: «Подайте Христа-ради!».

Среди калек-побирушек толклись два чумазых, в изодранной одежке, мальчугана. Один, белообрый, с голубенькими наивными глазенками на бледном личике, не просил, выпевал жалобно тоненьким голосочком:

— Дяденьки и тетеньки! Подайте сиротке!

Другой паренек, чуть постарше, терся возле него и внимательно следил за передвижением участкового милиционера. Когда тот выходил из храма и тут, стоя на ступеньке паперти, сворачивал самокрутку и прикуривал, пацан негромко свистел и следом за голубоглазым дружкой стремительно нырял в нишу под угловой башенкой оgrade. Милиционер, дымя, подходил к воротам, всякий раз с подозрением оглядывал нищую компанию, хмыкал и шел обратно. Это взрослым убогим можно еще притупиться к Богу, но детишкам — нет, пусть они хоть беспризорники или детдомовцы, все равно властью заказано.

Милиционер скрывался в храме, и юные побирушки снова были тут как тут. Скоро остались они самыми последними: нищие, кто еле волоча ноги, а кто и вполне здоровой рысцей направились по дороге в Городок. Пацаны, видимо, добрались сюда со станции.

Отец Андрей вышел запирать калитку в оgrade и увидел, что мальчишек «вытряхивает» почти взрослый парень-верзила. Зажал крепко под мышкой голову белообрый и выворачивает всю у пацана карманы. Дружок, смуглый цыганенок, как петушок на верзилу насакивает, да толку мало.

— Молодой человек, оставьте детей в покое! — прикрикнул священник.

Верзила злобно зыркнул из-под низко надвинутого козырька мятой кепки на отца Андрея, с презрительным видом пустив струйку слюны в щербину между зубами, пробурчал: «Погоди, дедок, встретимся еще!» и, отпустив пацана, пошагал прочь. Карманы он успел обчистить: ребятишки обескураженно хлюпали носами.

— Что, ребятаки, пойдем к нам с матушкой в гости?! — предложил отец Андрей.

Пацаны, взъерошенные, настороженные, потянулись за батюшкой следом.

— Встречай, мать! Не одни сегодня трапезничать будем! — священник легонько за плечи подтолкнул парнишек к столу.

— Но сначала помолимся!

Батюшка негромко прочел молитву; ребяташки, переглядываясь, перекрестились.

На картошку с грибами они нажились, осмелев, только за ушами затрещало. Между таким делом отцу Андрею удалось выведать, что юные гости беспризорничают на станции, что собирались махнуть на теплые «юга», но застряли пока. Бело-брысенького звать Васька, чернявого — Ромка.

После еды и участливых слов ребята размякли, тут же и прикорнули на широкой лавке возле стены, привалясь друг к другу. Во сне вздрагивали, дергались. Стоило коту с печной лежанки на пол соскочить, и тут же Ромка мутные со сна глаза открыл и заозирался. Потом улыбнулся и опять заснул.

— Пусть у нас поживут, чем скитаться-то? Вместо внуков,— глядя на ребят, спросил супружницу отец Андрей.

Она молча кивнула в ответ. И оба в ту минуту с горечью вспомнили об обитавших в дальних городах дочерях, отрекшихся от родного отца...

Но не тут-то было! И дня не минуло, а уже забегал, засуетился, заугрожал Лохан. Величина — церковный староста! На войну Лохана по какой-то причине не мобилизовали, добровольцем идти он не возжелал — это не речуги в людных местах толкать. В какой-то конторке по заготовке съестных припасов просидел он тихой мышкой, но, когда война кончилась, осмелев, лихо залез государству в карман и попался. Вернувшиеся фронтовики к тыловой крысе снисхождения не имели, вытурили из партии. Но Лохана не «посадили». Для иного дела теперь он понадобился, в храм старостой соответствующие товарищи из КГБ его определили.

— Ты у меня будешь вот где! — совал он сухонький кулачок под нос отцу Андрею.— За каждым шагом следить буду, каждую копейку учту — не затаишь!

Лохан бродил по храму во время службы, облаченный в вычищенный пиджачишко, лба никогда не крестил. По большим праздникам староста больше обретался возле свечного ящика, пристально наблюдая за работой продавцов.

Приезжий издаലെка на богомолье народ запросто мог в сутолоке бесцеремонно попихать локтями заносчивого мужичка, но свои местные взирали на него хоть и с насмешкой, но и с порядочной опаской. Разорял собор в Городке, здесь в Ильинке со звонницы колокола сбрасывал, и теперь что ему в голову взбредет, когда неожиданно-негаданно его старостой тут поставили.

— Да тебя опять посадят, дурья башка! — Лохан привык не особо церемониться в разговорах с батюшкой.— Вот доложу куда надо, что ты юное поколение в религиозный дурман заманиваешь! Не я, так другие! Благодарить еще меня будешь!..

Не успел священник в ответ и рта открыть, как Лохан цепко сгреб парнишек за руки и поволок в Городок в детприемник:

— Не вам, попам, о молодежи заботиться, Советская власть на то есть!

Вернулся Лохан смущенный и злой: не довел ребят до детдома.

— Вырвались, сволочи, и убежали. Хмырь какой-то долговязый из-за угла под ноги мне бросился, вот их я и упустил.

Лохан в сердцах сплюнул, но закончил, как всегда, назидательно:

— А вот если бы эти пацаны сперли чего-нибудь из церкви, а?! Кто бы отвечал, кроме тебя, батько? То-то!.

Подшло время отцу Андрею в очередной раз вести «ругу» — взнос от прихода в епархиальное управление. Сверток затертых рублишек и трешников, редко — чер-

вонцев и впридачу пригорашно мелочи отец Андрей помещал в неприметный старенький саквояжик, с ним и пускался в дорогу. До станции он обычно добирался за попутье с кем-нибудь из односельчан, а там садился на проходящий поезд и — в Вологде.

И сейчас было все как обычно, только когда священник поднимался по ступенькам в тамбур вагона, столкнулся нос к носу с тем самым юнцом-верзилой, что выворачивал карманы у мальчишек. Юнец хмыкнул, неприязненно ухмыляясь, отвернулся. Впрочем, батюшка скоро забыл о нем, заняв свободное местечко и погружаясь в свои думки. А тут же за стенкой, в тамбуре, верзила прижал Ромку-цыганенка:

— Точно поп «башли» в своем чемодане возит?

Цыганенок кивнул: видел как складывал.

— А чего ж тогда не украл?.. Эх, вас, дураков, учить!.. — верзила презрительно циркнул слюной в щербинку между зубов. — Так... Тогда ты, Васька, прикинься, что брюхо у тебя скрутило. Понял? — тряхнул он за плечо белобрысого. — А ты, Ромка, сюда попа вызывай! Что, сыкуны, затихарились: в детдом обратно охота? Больше выручать не буду. Ну?!

Верзила для пущей убедительности сунул Ваське под «дых»; мальчонка скрутил-ся на полу. Ромка, испуганный, побежал за отцом Андреем.

— Батюшка, там нашему Ваське худо!

Священник в тамбуре склонился над скрюченным стонущим мальчишкой, и тут его ударил кастетом по затылку верзила. Ручку саквояжа отец Андрей, теряя сознание, все равно не выпустил. Верзила вырвать ее не смог и тогда еще раз ударил священника в висок.

— Валим! — скомандовал пацанам...

Но далеко удрать грабители не успели: кто-то, наверное, проводник, споткнулся о распростертое тело священника — у юных лиходеев не хватило силенок выбросить его из тамбура на насыпь. Голубчиков с поличным милиция сцапала на ближайшей же остановке: верзила набивал свои карманы деньгами из священнического саквояжа.

Отца Андрея схоронили без всякой огласки, тайком, не возле родной Ильинки, а неподалеку от остова заброшенного храма на окраине областного центра.

— Чтобы новым святым, чего доброго, вашего батьку не объявили! — ораторствовал по этому поводу перед ильинскими прихожанами Лохан и крутил неопределенно вознятым пальцем над своей головой. — Там они знают, что делают, раз запретили!.. А попу было говорено и не раз насчет пацанов: пригрел змеенышей — жди беды! Но жаль, конечно, его, хоть и никчемный человечиска! — вздыхал притворно Лохан.

На закрытом заседании суда матушка Антонина, глядя на понурые, перепуганные лица мальчишек, попросила судью простить их:

— Батюшка бы сам их простил...